

Ромашенко Л.И. Образы духовенства в современной украинской исторической прозе

В последнее время в литературе усилился вероисповедательный вектор, наметилась заинтересованность художников судьбой деятелей церкви, их участием в общественно-политической и духовной жизни нации. Доказательство тому – произведения украинских писателей о героических и трагических страницах национального прошлого.

В прозе советского (и не только) периода церковь выступает частью эксплуататорского механизма феодального государства. Отсюда – преимущественно критическая оценка ее деятелей. Так, в романе З. Тулуб «Людоловы» (1934-1937) немало страниц посвящены авторским размышлениям о притеснениях, что испытывали низшие сословия и священнослужители более низкого ранга от церковных иерархов: «Монастыри и владыки не только эксплуатировали крестьян по монастырским именьям, но и мещан и мелкое парафиальное духовенство, распыленное и беззащитное. Достаточно было намекнуть на сопротивление, чтобы владыки лишали их парафий, запрещали править им службу божью и даже засылали их в далекие села и монастыри. Поэтому дрожали они перед владыками, отдавали им львиную долю своих иногда мизерных прибылей» [14, с. 123-124]. Судьба «монастырского холопа» Тимко является ярким подтверждением эксплуататорской сути церковной машины. Образным воплощением верхушки православной церкви в романе выступает архимандрит Плетенецкий. Это «магнат в клобуке», который свою энергию и чрезмерную деловитость направлял на приумножение монастырского богатства. Однако этот персонаж вышел достаточно неоднозначным, в нем удивительно сочетались «алчность с высокими культурными потребностями, твердый эксплуататор с аскетом, честолюбец и феодал с неутомимым деятелем науки» [14, с. 123].

В свете таких критических оценок становится понятным и название романа-эпопеи: людоловы – это не только татары, но и свои доморожденные притеснители, обрекающие на невольническую жизнь и нищенское существование соотечественников, а также священники, берущие в плен христианские души.

В «Автобиографии» З. Тулуб так декодирует название и проблематику произведения: «Людоловами в старинных актах назывались отряды крымских татар, совершавших набеги на Украину... В моем романе понятие «Людоловы» – расширено. Кроме татарских налетчиков, людоловами изображаю я польских магнатов, татарских беев, католические и православные монастыри, в том числе Киево-Печерскую Лавру, казацких старшин и гетманов, цеховую и магистратскую верхушку во Львове и Киеве – всех, кому нужны рабочие руки, кто эксплуатирует представителей низших социальных прослоек феодального общества» [13, с. 39]. Подобные авторские выводы, возможно, диссонируют с нынешним отношением к религии и церкви в нашем обществе, однако не только в фольклоре, классической литературе немало примеров далеко не праведной жизни священников, – ими изобилует, к сожалению, нынешнее время.

В исторической прозе последних десятилетий все чаще появляются фигуры духовных иерархов. Так, в романе А. Пахучего «Юрась Хмельниченко» (1995), повествующем о смутном времени Руины, действуют владыка Черниговский Лазарь Баранович, архимандрит Братского монастыря Иоаникий Галятовский, архимандрит Печерский Иннокентий Гизель, митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский, что репрезентируют в романе высшую духовную власть. Круг интересов этих духовных пастырей выходит за пределы церковной жизни, их тревожит раздор на Украине, боярский произвол.

Патриотом родной земли, защитником православной веры от латинян и басурман является митрополит Тукальский, преследуемый польской шляхтой. Он – один из самых образованных людей своего времени. Получив хорошее образование в Польше, с молодых лет посвятил себя борьбе за православие с убеждением, что лишь вера «может спасти наш несчастный народ, дабы он не позабыл, кто он есть, не растворился среди чужестранцев» [9, с. 297]. Мудрый, рассудительный, наделенный незаурядными способностями, Иосиф-экзарх пользовался уважением у казаков и посполитых.

Обращение писателя к личности И. Галятовского, очевидно, не случайное: он был едва ли не самым выдающимся представителем проповеднической литературы, служившей обороне самих основ

православия. Как известно, Галятовский – типичный защитник схоластической учености, и все же, по словам С. Ефремова, ему приходилось касаться «и жгучих вопросов дня, приближаясь тем самым к публицистическому освещению текущих дел, и мы воочию видим, как боролись в нем манерный схоластик с человеком, который глубоко принимает к сердцу события окружающей жизни» [1, с. 148].

Сказанное в значительной степени касается и моделирования образа Лазаря Барановича. Убежденный автономист и гибкий дипломат, он немало весил в политических отношениях того времени, не колебался отстаивать украинские вольности перед московским правительством, о чем свидетельствуют его публицистические произведения.

Совсем из другого художественного материала образ епископа Методия – олицетворение всех человеческих пороков. Льстивый, нечистый на руку, мастер творить черные дела, он будто воплощение лукавого в человеческом подобии (достаточно метко характеризует епископа портрет: уже один его вид вызывает ощущение отвращения, навеивает зловещий страх). Как настоящий дьявол-искуситель, Методий, зная слабые струны человеческой души, подстрекает Хмельницкого-младшего отречься от сана и выступить против Дорошенко. Однако даже Юрий раскусил отвратительную сущность этого «выплодка сатаны» и пробует сопротивляться коварным замыслам Методия [см.: 9, с. 377].

Образы «землячков», которые ради «барства великого» пошли на службу царизму, создает Ю. Мушкетик в романе «Гетманское сокровище» (1993), посвященному «трагической судьбе Украины и ее гетмана Павла Полуботка под кормигой Петра I» [5, с. 5].

Среди тех, кто помогал осуществлять колониальную политику, писатель выделяет Феофана Прокоповича. Профессор Киевской академии, знаменитый проповедник, чьему перу принадлежат выдающиеся для своего времени курсы риторики и поэтики, историческая драма «Владимир», воспевавшая введение христианства на Руси. Посвященная Петру I и Мазепе как «благодетелю и ктитору» Киевской академии, она, по убеждению критиков, творила эпоху в развитии украинской драмы (Я. Гординский), содержала проявления патриотизма, в частности в трактовке Киева как второго Иерусалима. Но это не помешало

Прокоповичу «стать ведущим идеологом реформ Петра I, направленных на секуляризацию и централизацию общества» [12, с. 179].

Уже с первых страниц романа в размышлениях Ивана Сулимы (ученика Прокоповича) профессор предстает как «светоч учености нашей, наш наибольший мудрец» [7, с. 27]. В ходе развития сюжета такое впечатление изменяется на полностью противоположное под воздействием коллаборантской деятельности поэта-философа, архиепископа псковского. За епископство, архиерейский сан, вице-президентство, роскошь Феофан оправдывал и прославлял все царские деяния. Антиукраинскую деятельность архипастыря прозаик разоблачает благодаря уничижительным эпитетам: «ученый лакей» [7, с. 376], «дрянь в саккосе», «пухлощекий негодяй в митре» [7, с. 367]. Обличительный пафос достигает особенной остроты в эпизоде встречи Ивана Сулимы и Ханенко с бывшим профессором Киевской академии, во время которой последний выдает себя за простого, доступного, начитанного человека, способного расчувствоваться воспоминаниями о родном Киеве. Однако автор срывает с героя притворную маску, изображая роскошный интерьер, в который не вписывалась «простота» их святости, как «ни лепится к стене собора старая иконка из сельской церковки» [7, с. 362], и показывая его безразличное отношение к рассказу о притеснениях украинского.

Один из приметных признаков идиостиля Ю. Мушкетика – умение строить сюжет на противостоянии характеров – сказывается в этом романе в противопоставлении Феофана Прокоповича Стефану Яворскому. Он тоже поэт и философ, наш земляк, блюститель патриаршего престола. В отличие от Прокоповича, осуждал образ жизни царя, его своеволие и разврат, фискальство, ставшее хорошо оплачиваемым ремеслом. Комментируя поведение Яворского, автор отмечает его непоследовательность: гневные инвективы в адрес монарха сменялись на покаянные письма. На наш взгляд, прозаик сознательно немного преувеличивает оппозиционность Стефана Яворского: ведь тот, занимая наивысшую в русской церкви должность, выступая против протестантизма, не одобряя Петровых реформ, оставался «лавроносным поэтом», «тоже опытным царедворцем» [1, с. 163].

Образы священнослужителей смоделированы и в произведениях о Колиивщине – восстании православного крестьянского и казацкого населения на Правобережной Украине 1768 года. Так, в романе «Придем, поклонимся» (1996) Ю. Мушкетик пересматривает собственные взгляды на архимандрита Мотронинского монастыря Мелхиседека Значко-Яворского (по сравнению с его же романом «Гайдамаки»). Прозаик вспоминает и об освящении ножей гайдамаков, и о гайдамацких сокровищах, что зафиксировано в народной памяти. Опираясь на новые летописные данные, писатель отбрасывает господствующее среди научных авторитетов мнение о том, что благословлял восстание Мелхиседек: он «в конце дал задний ход; когда сабли святили – рванул в Переяслав к Гервасию, епископу. Ножи святил иеромонах Гавриил» [8, с. 23]. Со страниц романа Значко-Яворский предстает идейным наставником восстания против унии, за веру православную. В то же время игумен «был человеком осторожным и дальневидным» [8, с. 90], в его действиях скрывались непонятные, противоречивые моменты.

В романе Г. Колисняка «Полынь черная, мак горький» тоже функционирует образ игумена Значко-Яворского, аккумулирующий гуманистический потенциал произведения. Управитель православных церквей и монастырей на Правобережной Украине, он очутился перед сложной дилеммой – между одной из самых первых христианских заповедей «Не убей!» и благословением на войну.

Отечественная историография знает о Мелхиседеке мизерно мало. С его именем связывают легенду о «золотой грамоте» Екатерины II, якобы поощрявшей гайдамаков к антишляхетскому выступлению. По поводу этой «грамоты» большинство историков придерживаются мнения, что это выдумка, своеобразный тактический ход, чтобы придать восстанию статус официально разрешенного. Однако другие исследователи допускают возможность существования какого-то документа у предводителей восстания (см.: [11, с. 51]).

Нет единства среди исследователей и во взглядах на роль Мелхиседека в Колиивщине. В XIX веке на страницах исторических трудов Мелхиседек предстает фанатичным защитником православия, чья деятельность якобы повлекла массовое народное

движение 1768 года. Такая оценка Мелхиседека с тех пор утвердилась в научной литературе. Однако в последнее время появляются утверждения иного характера. Например, Ю. Мариновский доказывает: Мелхиседек не мог освящать ножи, не принимал участия в восстании, более того, в своих посланиях выступал против него (см.: [4, с. 22]). Эту же мысль развивают В. Ричка [см.: 10, с. 54]), П. Мирчук [см.: 6, с. 263]. Противоречивость во взглядах историков на деятельность архимандрита закономерно сказывается и в художественной литературе.

Основные вехи жизненного пути Значко-Яворского отображены в романе «Полюнь черная, мак горький» преимущественно благодаря средствам ретроспективы. Заполняя пробелы в биографии церковного деятеля, о котором немного сведений в исторической науке, писатель прибегает к художественному вымыслу. В отличие от романа «Придем, поклонимся» Ю. Мушкетика, Г. Колисник изображает этапы становления личности Мелхиседека, начиная с семейного окружения. Пройдя все ступени церковной иерархии, начиная с самых низших, Значко-Яворский утвердился в готовности себя «до последней капли крови отдать народу» [2, с. 56].

Если в романе «Придем, поклонимся» Мелхиседеку отведена эпизодическая роль, то в романе Г. Колисника его образ выписан значительно полнее. Прозаик репродуцирует самые существенные факты биографии героя в контексте судьбоносных событий отечественной истории. И все же Г. Колисник не сполна использовал психологический потенциал образа игумена Мотронинского монастыря, однако изображение такого героя не в комичном или сатирическом свете является симптоматичным, засвидетельствовав отход от догматичного подхода в оценке представителей духовенства, их роли в истории.

Галерею представителей духовенства пополняет И. Корбач в романе-хронике «Последний поход короля» (1999). Так, отвратительная порода изменников-янычар заклеяна в лице игумена Макошинского монастыря Виктора Бублицевича, сущность натуры которого неоднократно подчеркивает эпитет «хищный» [3, с. 329].

Образная система романа-хроники богата и разнообразна. Автор вводит в произведение образы высшего духовенства, с которыми связаны не только проблемы веры, но и морально-этические проблемы. Например, бискуп Пражмовский, представляющий высшую католическую иерархию, наделенный по-государственному масштабным умом; епископ Пекарский, отличающийся от Пражмовского тем, что не чурался радостей жизни, был интересным собеседником для короля, разбирался в мирских делах. Но в дискуссии об основах веры Пражмовский уступил ректору Киево-Могилянской коллегии Иоанникию Галятковскому, доказавшему, что православная вера ничем не уступает католической.

Таким образом, современная украинская историческая проза постепенно преодолевает стереотипы (тенденциозность, шаржированность) в моделировании образов, концентрирующих в себе фактор веры, прежде всего православной. Взамен создает далеко неоднозначные образы духовенства, которое занимало разные ступени церковной иерархии и играло значительную роль в важных общественных процессах.

Литература

1. Ефремов, С. Історія українського письменства / С. Ефремов. – К., 1995.
2. Колісник, Г. Полин чорний, мак гіркий / Г. Колісник. – К., 1988.
3. Корбач, І. Останній похід короля / І. Корбач. – К., 1999.
4. Мариновський, Ю. Мотронинський Троїцький монастир: Історичний нарис / Ю. Мариновський. – Черкаси, 1999.
5. Мишанич, О. Прочитайте ту ю славу... / О. Мишанич// Мушкетик Ю. Гетьманський скарб. – К., 1993. – С. 5 – 8.
6. Мірчук, П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. / П. Мірчук. – Нью Йорк, 1973.
7. Мушкетик, Ю. Гетьманський скарб / Ю. Мушкетик. – К., 1993.
8. Мушкетик, Ю. Прийдімо, вклонімося... / Ю. Мушкетик // Сучасність. – 1996. – №7–8. – С. 15 – 115.
9. Пахучий, О. Юрась Хмельниченко / О. Пахучий. – К., 1995.

10. Ричка, В. „Цар схизматиків” / В. Ричка // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку: Матеріали III Всеукраїнських історичних читань. – Київ – Черкаси, 1993. – С. 53 – 55.

11. Статі, Л. Мелхиседек Значко-Яворський: історіографічний нарис / Л. Статі, Р. Бутенко // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку: Матеріали III Всеукраїнських історичних читань. – Київ-Черкаси, 1993. – С. 50 – 52.

12. Субтельний, О. Україна: Історія / О. Субтельний. – К., 1992.

13. Тулуб, З. Автобіографія / З. Тулуб // Кузьмінський А., Поліщук В. Життєві шляхи родини Тулубів. – Черкаси, 2010. – С. 37-43.

14. Тулуб, З. Людолови: Історичний роман / З Тулуб. – К., 1986. – Т. 1.

Мурашка А.А., Старжинский В.П. Влияние эстетических свойств среды на формирование личности человека

Воздействие окружающей среды на формирование личности имеет ряд аспектов. Эстетическое воспитание исключительно важно для формирования высокодуховной личности. Прежде всего - это формирование творческого отношения человека к действительности, так как сама суть эстетического развития - в творчестве и культуротворчестве при освоении эстетических феноменов. Наиболее актуальной задачей является формирование эстетической потребности, которую можно определить, как потребность человека в красоте и деятельности по законам красоты. Эстетизация архитектурной среды и пространства средствами дизайна открывает широкие возможности для реализации поставленной задачи.

В частности, в контексте задач эстетического воспитания, развитие личности предстает как процесс, который характеризуется степенью формирования того характерного качества индивида, в котором выражен уровень его социальной зрелости, воспитанности и образованности. Социальное развитие не только опережает интеллектуальное, предшествует ему, но и определяет возможности перехода на каждую следующую ступень развития.